

правдивые вещи о том, что действительно происходит в семье Келлеров. Но это ничего не меняет — отношения отца и сына также слепы и глухи, несмотря на то, что это зрячие люди. Таким образом, акцент спектакля перемещается с проблемой медицинской и психологической к теме философской: одиночество среди близких, душевная глухота и слепота.

Последняя соломинка Келлеров — пока не знакомая им учительница Энн Салливан (**Наталья Гитлиц**), которая должна приехать, чтобы вынести окончательный приговор: можно ли помочь несчастному ребенку или необходимо смириться? Ее приход меняет тональность спектакля. Он становится динамичнее, набирает скорость, в нем появляется больше событий. В отличие от уже знакомых нам героев, Энн полна жизни. Она энергична и уверена в себе (по крайней мере, внешне), не понаслышке знает, что такое слепота, и трезво оценивает положение вещей. Героиня Наталья Гитлиц словно наполняет энергетикой пространство.

Ее попытка научить воспитанницу особому языку и какому-то элементарному этикету показана, возможно, слишком подробно, слишком детально и натуралистично, но это необходимо для того,

чтобы зрители физически ощутили ее трудности, с которыми столкнулась учительница, взявшись за обучение девочки-инвалида. Мы сопереживаем и радуемся каждой удаче Хелен и Энн и огорчаемся, когда процесс воспитания дает сбой.

Если в спектакле есть нерв, то это Энн Салливан. Ее воля, ее убеждение в правильности принятого решения, ее непреклонность постепенно меняют и других героев. Их отношение к ситуации претерпевает целую гамму изменений: от недоверия и скепсиса до заинтересованности, веры. В спектакле есть очень важная сцена, когда Энн просит родителей своей воспитанницы дать ей еще несколько дней, чтобы закрепить полученные результаты. Но получает отказ, и все возвращается на круги своя: мы снова видим прежнюю Хелен — дикую, агрессивную, не понимающую слова «нет». Кажется, что в этот момент весь зал испытывает сильнейшее разочарование...

Но вот финал. Пробудившийся разум Хелен, победа Энн, торжество истинной любви — требовательной и созидательной.

Татьяна ЕРМОЛИЦКАЯ

Фото Евгения СЕДЕЛЬНИКОВА

ШАХТЫ. О том, чего нет в действительности

Труппа **Шахтинского драматического театра** никогда не была поющей, а недавно, получив совсем немного уроков по вокалу (педагог **Надежда Стахурлова**), актеры запели в спектакле «**Призрак замка Кентервиль**». Режиссер **Роман Родницкий** взял к постановке пьесу **Вячеслава Вер-**

бина по новелле **Оскара Уайльда** «**Кентервильское привидение**».

Композитор **Владимир Баскин** предлагал театрам свое произведение как мюзикл, хотя оно вряд ли в полной мере этому жанру соответствует: ни музыкальной драматургии, ни музыкальной характеристики персонажей здесь нет.

Призрак – А. Качалов, мистер Отис – А. Хомяков. Фото Л. Фрейдлин

В Шахтинском театре афишировали «музыкальный спектакль» — и тут вопросов никаких. Куплеты и романсы, лирические дуэты и «общепримиряющая» финальная песня переводят известный сюжет почти в опереточный план, легкий, веселый, обещающий разрешение любой ситуации ко всеобщему удовольствию.

На сцене замок, каким по классическим произведениям мы обычно его и представляем (художник **Наталья Белоус**): высокие своды, камин, парадные лестницы, фигуры средневековых рыцарей. Все, как полагается. Естественно — портреты прежних владельцев. Время от времени они из-за портретов выходят, а полным поворотом портретов холл превращается в библиотеку, которую молодой сотрудник Британского музея Чарльз го-

тов спасать от равнодушных к этим богатствам новых хозяев.

Когда американцы Отисы покупают в Англии замок, то в придачу к нему получают привидение в возрасте 300 лет и экономку Дороти, еще достаточно молодую, не в пример действующему лицу из новеллы. Каждая из этих персон — со своими причудами. Привидение по имени сэр Джон поначалу похоже на страшилку из мультика: говорит загорбным голосом, ступает так, словно хочет увеличиться в размерах. Голова его может летать отдельно и требовать чистки зубов. А во втором действии **Александр Качалов** играет по-другому: он подтрунивает над своим привидением, трагикомически переживающим потерю былого «авторитета», и эта ирония добавляет шарма в театральную игру.

Сцена из спектакля. Фото Н. Нарсеевой

Что же касается Дороти (**Валентина Родницкая**), то ее обмороки как рефлекс на все события: хоть радостные, хоть тревожные — продиктованы не столько страхом или волнением, сколько крайней степенью экзальтации. Правда, иногда всеобщее жизнерадостное настроение ее захватывает, и она робко включается в его ритм. А вообще это типичный персонаж из водевиля — в несменяемом сценическом рисунке, с одной и той же взбурдаженной интонацией.

Занятная сцена — столкновение двух эпох: бесполезно гремящий цепями сэр Джон и мистер Отис (невозмутимый **Алексей Хомяков**) с легко возникающими идеями новых способов обогащения. Так бы и мыкалось несчастное привидение, оставшееся не у дел, если бы

милая девушка, дочь Отиса, не успокоила его душу.

«Все, что случается в действительности, лишено всякого значения», — это один из парадоксов блистательного Уайльда. А приключения призрака имеют нешуточный смысл. Автор определил жанр своей новеллы как материально-идеалистическую историю, а либреттист — как мистически-романтическую комедию. Постановщик спектакля, как я понимаю, сочинял юмористическую фантастику с мажорным финалом, утверждающим силу любви. На мой вкус, в музыкальный спектакль «просилась» более изобретательная хореография и эффектная финальная точка.

Людмила ФРЕЙДЛИН